

Галиева Марианна Андреевна

**"РУСЛАН И ЛЮДМИЛА" А. С. ПУШКИНА: ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ.
ЭЙДОЛОГИЯ "ИНОГО ЦАРСТВА": ПЕСНИ ЧЕТВЕРТАЯ, ПЯТАЯ И ШЕСТАЯ**

В статье рассматривается поэтика "Руслана и Людмилы" А. С. Пушкина в свете фольклорной традиции. Объектом исследования выступают четвертая, пятая и шестая песни поэмы-сказки. Именно в них раскрывается смысл инициатического пути героев; актуализируется мотив путешествия на "тот свет". Особое внимание уделяется травестийной символике. Рассмотрение поэмы-сказки в свете фольклорной традиции, дожанровых образований позволяет выявить онтологическую символику произведения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/8-2/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. II. С. 38-41. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Бикчурин Ш. М. Алтын жирдә ятмый. Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. 192 б.
2. Бикчурин Ш. М. Каты токым: Роман. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. 224 б.
3. Бикчурин Ш. М. Тирән катлам: Роман. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. 333 б.
4. Шутая Н. К. Типология художественного времени и пространства в русском романе XVIII-XIX вв.: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2007. 35 с.

SPECIFICS OF ARTISTIC TIME IN THE NOVELS AND STORIES BY SH. BIKCHURIN

Gabidullina Landysh Faritovna

Naberezhnye Chelny Institute of Social-Pedagogical Technologies and Resources
landush10@yandex.ru

The article aims to study artistic time in the novels and stories by Sh. Bikchurin. The author examines time as a category of poetics of a literary work which characterizes both the certain personages and a work on the whole. By the example of the works by Sh. Bikchurin the paper analyzes such elements of a temporal structure as the types of time: natural-cyclical, everyday, biographical, historical. The research broadens and supplements the studies in the sphere of artistic time.

Key words and phrases: Sh. Bikchurin; artistic time; natural-cyclical; everyday; biographical; historical.

УДК 82:801.6; 398:801.6

Филологические науки

В статье рассматривается поэтика «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина в свете фольклорной традиции. Объектом исследования выступают четвертая, пятая и шестая песни поэмы-сказки. Именно в них раскрывается смысл инициатического пути героев; актуализируется мотив путешествия на «тот свет». Особое внимание уделяется травестийной символике. Рассмотрение поэмы-сказки в свете фольклорной традиции, дожанровых образований позволяет выявить онтологическую символику произведения.

Ключевые слова и фразы: миф; фольклор; литература; поэтика; Пушкин; мотив путешествия на «тот свет».

Галиева Марианна Андреевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
marianna.galieva@yandex.ru«РУСЛАН И ЛЮДМИЛА» А. С. ПУШКИНА: ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ.
ЭЙДОЛОГИЯ «ИНОГО ЦАРСТВА»: ПЕСНИ ЧЕТВЕРТАЯ, ПЯТАЯ И ШЕСТАЯ©

Последние три песни поэмы-сказки А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» представляют завершение *инициатического* пути Руслана и Людмилы. Кажется, что оба героя уже прошли основные испытания: Людмила, побывав в чертогах Черномора, умерла («Людмила умереть умеет!» [6, с. 31]) и возродилась – конечно, смерть понимаем здесь в *космическом* ключе; она получила волшебный предмет, шапку; Руслан сразился с Рогдаем, заполучил чудесный богатырский меч, пересек «пленительный предел», победил Черномора. Людмила спасена, Руслан вернул себе жену, но *почему-то* их испытания не заканчиваются. Понять это можно только в контексте фольклорной, ритуальной логики. Целью данной статьи является выявление скрытых форм фольклоризма в поэтике «Руслана и Людмилы». Поставленная цель предопределяет следующие задачи: во-первых, осмыслить значимость мотива путешествия на «тот свет» в русской сказке и в поэме-сказке Пушкина; во-вторых, выявить функциональное значение фигур трикстера в произведении.

Первый вопрос, который нас должен волновать: почему так много «спят» пушкинские герои? В свое время М. О. Гершензон указывал на то, что слово сон – самое частотное в «Евгении Онегине», наполненном аллюзиями к «Руслану и Людмиле». В поэме-сказке спит Людмила, спит Руслан, но эти сны, как мы выяснили, больше походят на полусны, *состояния обмираний*, характерные для жанра бывальщины. В четвертой песни Людмила, укрываясь от Черномора, пытается заснуть:

*Томилась грустью и зевотой,
И редко, редко пред зарей,
Склонясь ко древу головой,
Дремала тонкою дремотой* [Там же, с. 53]...

На первый взгляд, несколько иронически обыграно состояние героини Пушкиным: грусть и зевота понятия мало совместимы. Однако стоит обратить внимание на то, что Людмила почти не спит в «полночных

горах» Черномора, она дремлет *тонкою дремотой*. Напомним, что во второй песни Людмила лежала в тягостном забвенье:

До утра юная княжна
 Лежала, тягостным забвеньем,
 Как будто страшным сновиденьем,
 Объята – наконец она
 Очнулась, пламенным волненьем
 И смутным ужасом полна [Там же, с. 27]...

Не спит, а *как будто* спит. Пребывание в «ином мире» требует от души бодрствования, так как там она испытывается, приобщается к знаниям предков. Информация о «том свете» в народном представлении чрезвычайно важна, так как она может «повлиять на положение дел в земном мире, заставить людей вести себя в соответствии с определенными нравственными и бытовыми нормами» [4]. Напомним: и Людмила, и Руслан проверяются «на прочность» («Еще при мне *мой верный меч*»). Ведь Рогдай, Ратмир и Фарлаф отказались от Людмилы и не прошли испытаний.

Итак, в поэме дано подробное представление «того света» и путешествия по нему. По замечаниям фольклористов, описания *иномирного пространства* в народной культуре не совсем четки, размыты и не имеют перво-степенной роли: «В традиции восточных славян нет ни одного жанра, для которого онтологическое, классифицирующее описание “того света” (сравнимое с научным географическим описанием пространства) было бы основной и самостоятельной целью...» [Там же]. Для Пушкина же важно все, что происходит с героями. Метафоры души, которые переживают герои, отражаются и в конкретных деталях. Шапка Людмиле дана для отстранения от собственного тела – она становится невидимой, *незримой*. Ритуально значимым является облачение в лазурный сарафан, уподобляющийся лазурным небесам, указывающий на заговорную формулу «космического ограждения». А. Н. Афанасьев, устанавливая отношения между мифом и сказкой, разбирает формулы травестийного значения, связанные с облачением в шкуры животных-тотемов (свинья, корова и др.) и солнечным мифом [1, с. 167]. Переодеться должен культурный герой; часто травестирование выражается в колпаке или плаще. Людмила, примеряя шапку, *пропадает*, то есть, по законам ритуальной логики, ее положение меняется. Однако, возвращаясь к теме сна, отметим: этот колпак и погружает героиню в «летаргический сон»:

Раздался девы жалкий стон,
 Падет без чувств – и дивный сон
 Объял несчастную крылами.
 .....
 В смятенье, бледный чародей
 На деву шапку надевает [6, с. 55]...

Сном Людмилы заканчивается четвертая песнь.

В пятой песне героиня спит. Пушкин выступает в роли визионера, который отправляет в иномирное путешествие своих героев, описывая путешествие «со стороны» во всех подробностях, которые не ускользают от будущего автора «дали свободного романа» (ср. в «Евгении Онегине»). Старый Финн, Фарлаф, Рогдай, Ратмир, наконец, Людмила – обмирали. Руслану выпадали пока исключительно *бытовые сражения* – хоть и с волшебными силами. Однако все перечисленные герои уже прошли свой инициатический путь. Здесь стоит вернуться к важному вопросу о функциях противников, соперников жениха. Рогдай умер от рук Руслана – умер воин. Ратмир в плену юных дев, потом в забвении с другой, забыл Людмилу – умер романтик. Фарлаф, крикун надменный, иначе говоря, шут повержен доблестью Руслана в конце – устранил хитрец, *трикстер*. В этих соперниках «визязя беспримерного» собраны все качества юного Руслана. Он доблестный рыцарь, когда сражается с Рогдаем; он романтик и верный возлюбленный, когда строго охраняет честь Людмилы; он хитер, когда борется с Черномором. Соперники руслановы, можно сказать, являются его *первым, вторым и третьим человеком*, то есть трикстерами, которым не достает демиургических качеств. Побеждая их, Руслан обретает свое *подлинное лицо*. Но себя настоящего он может достигнуть только через реальную смерть. Эта смерть Руслану дарована от рук самого неумелого противника – Фарлафа:

Фарлаф с боязнию глядит;
 В тумане ведьма исчезает;
 В нем сердце замерло, дрожит.
 Из хладных рук узду роняет.
 Тихонько обнажает меч,
 Готовясь визязя без боя
 С размаха надвое рассечь [Там же, с. 68]...

В культуре, по замечаниям ученых, закрепилось понятие первого, второго и третьего человека – все они сменяют друг друга, но при этом существуют в одном, в целом [2, с. 15]. Иногда борьба между ними носит космический характер. В мифологии инициаций это воплощается в *агоне*, космическом состязании [7, с. 489]. Таким образом, можно говорить об устранении первого, второго и третьего человека в Руслане, а также его

физической профанной сущности. Неслучайно, Фарлаф (трикстер) рассекает надвое героя. Надвое – здесь означает разделение физического и метафизического, эфирного. Показательно то, что Руслан после нанесения смертельных ран просыпается и видит свое состояние:

Поутру, взор открыв туманный,
Пуская тяжкий, слабый стон,
С усиьем приподнялся он,
Взглянул, поник главою бранной –
И пал недвижимый, бездыханный [6, с. 69].

Он как бы переживает свою смерть *наяву* и только потом засыпает глубоким сном, так же как и Людмила. И так, оба главных героя выпали из пространства; здесь сон – выпадение из основного ряда событий.

Шестая песнь открывает перед читателем действия без Руслана и Людмилы. Но помним о том, что герои не умерли в строгом смысле этого слова. Людмила лежит на смертном одре, ее пытаются разбудить:

Толпа волнуется, валит
Туда, где на одре высоком,
На одеяле парчевом
Княжна лежит во сне глубоко;
Князя и витязи кругом
Стоят унылы; гласы трубны,
Рога, тимпаны, гусли, бубны
Гремят над нею; старый князь [Там же, с. 73]...

Приход духов-первопредков сопровождается шумом [5, с. 16]; Людмилу пытаются вернуть из «иноного царства», но все тщетно. Фарлаф не добывал вещей невесты – он не может ее пробудить. Руслан также лежит тяжелым сном объятый:

Но князя крепок хладный сон,
И долго щит его не грядет [6, с. 71].

Разрешить сон героя способен лишь Финн, который тоже выступает в роли визионера:

Но в это время вещей Финн,
Духов могучий властелин,
В своей пустыне безмятежной
С спокойным сердцем ожидал,
Чтоб день судьбины неизбежной,
Давно предвиденный, восстал [Там же, с. 74].

В этом фрагменте утверждается то, что вся история Руслана и Людмилы – день, предвиденный Финном (указание в первой песни), смутный сон, в котором явятся потом Пушкину Евгений и Татьяна, чья даль романа, конечно же, хорошо известна поэту, как и счастливая юношеская сказка. Но почему же все-таки Руслан умирает? Безусловно, он добыл вещь невесту, посетил «иноное царство», сразился с Черномором и прочими героями, однако этого недостаточно: культурный герой, непременно, еще должен отвоевать в честном бою царство, обещанное в приданое Людмиле. Для этого в сюжет введены печенеги, война. Только обновленный, метафизически возрожденный герой способен вступить в бой. Неслучайно, достаточно подробно описывается возвращение Руслана к жизни Финном:

В долине, где Руслан лежал
В крови, безгласный, без движенья;
И стал над рыцарем старик,
И вспрыснул мертвою водою,
И раны засияли вмиг,
И труп чудесной красотой
Процвел; тогда водой живую
Героя старец окропил,
И бодрый, полный новых сил,
Трепеща жизнью молодою,
Встает Руслан [Там же]...

В поэтике причети учеными выделяется мотив «ожившего покойника», который связан с формулами и картинками невозможного или недопустимого, нежелательного [8]. Некоторые фольклористы генетически возводят этот мотив к заговорным формулам, которые некогда выполняли магическую функцию («воздействие на смерть»), но утратили её со временем [3, с. 85]. Но, не вдаваясь сейчас во все тонкости фольклористических споров, отметим *космическую парадигму* этого мотива. Руслан возвращается к жизни обновленным,

побывавшим на «том свете» – только теперь он связан со знаниями предков и готов к завершению *инициатического пути*. Помимо того, все пережитое воспринимается им в имажинативном ключе, как сон. Этим состоянием начинается и первая песнь:

Людмилу, свадьбы день ужасный,
Все, мнится, видел ты во сне [6, с. 13].

И шестая песнь завершается им же, только *со знаком выхода из сна*:

Встает Руслан, на ясный день
Очами жадными взирает,
Как безобразный сон, как тень,
Пред ним минувшее мелькает [Там же, с. 74].

Вместе с Русланом в пределы киевских полей, можно сказать, в профанную действительность тут же возвращается и Людмила:

Руслан летит к Людмиле спящей,
Ее спокойного лица
Касается рукой дрожащей...
И чудо: юная княжна,
Вздыхнув, открыла светлы очи!
Казалось, будто бы она
Дивилась столь долгой ночи;
Казалось, что какой-то сон
Ее томил мечтой неясной [Там же, с. 78]...

Итак, заканчивая фольклористический комментарий к поэме-сказке, можно подвести итог: все произошедшее с заглавными героями представляется визионерством Пушкина, смутным сном, в котором герои пришли из *преданий старины глубокой*, чтобы напомнить читателям о потребности человека в ином царстве, его необходимой влекомости *запредельным пределом*. Путешествие на «тот свет» Руслана и Людмилы – неотъемлемое испытание на инициатическом пути. Миф и фольклор позволяют увидеть не бытовой план произведения; они являются «лакмусовой бумажкой» по отношению к образной системе, и если говорить о теоретической стороне вопроса, то стоит обратить внимание на органическое взаимодействие фольклорной и литературной традиций уже в первом серьезном опыте поэта. В поэме-сказке проявлены *латентные формы* фольклоризма, вероятно, возводимые к пушкинскому фольклорному, архаическому, не бытовому мировоззрению.

Список литературы

1. Афанасьев А. Н. Сказка и миф // Афанасьев А. Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература. М.: Сов. Россия, 1986. С. 142-196.
2. Григорян А. Первый, второй и третий человек. М.: Языки славянской культуры, 2014. 560 с.
3. Еремичева В. И. Историко-этнографические истоки общих мест причитаний // Поэтика русского фольклора: русский фольклор / отв. ред. А. А. Горелов. Л.: Наука, 1981. Т. 21. С. 70-86.
4. Левкиевская Е. Е. Пространство потустороннего мира в народных представлениях восточных славян [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krivichi.org/zhrec/potustoronniy-mir-v-narodnyh-predstavleniyah-slavyan.html> (дата обращения: 20.05.2015).
5. Народная демонология Полесья: публикации текстов в записях 80-90-х гг. / сост. Л. Е. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. Т. 2. Демонологизация умерших людей. 800 с.
6. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Л.: Наука, 1977. Т. 4. 447 с.
7. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 896 с.
8. Чистов К. В. К вопросу о магической функции похоронных причитаний // Историко-этнографические исследования по фольклору: сборник статей памяти Сергея Александровича Токарева. М.: Восточная литература, 1994. С. 267-274.

“RUSLAN AND LUDMILA” BY A. S. PUSHKIN: FOLKLORISTIC COMMENTARY. EIDODOLOGY OF THE “OTHER KINGDOM”: CANTOS FOURTH, FIFTH AND SIXTH

Galieva Marianna Andreevna
M. V. Lomonosov Moscow State University
marianna.galieva@yandex.ru

The article examines the poetics of “Ruslan and Ludmila” by A. S. Pushkin in the light of folkloric tradition. Cantos fourth, fifth and sixth of the poem-tale are under research. These very cantos reveal the meaning of the initiation way of the characters, actualize the motive of a journey to the “other world”. The special attention is paid to the travesty symbolics. Analyzing the poem-tale in the light of folkloric tradition of pre-genre formations allows identifying the ontological symbolics of a literary work.

Key words and phrases: myth; folklore; literature; poetics; Pushkin; journey motive to the “other world”.